

УДК 37.017.93

А. С. ХОМЯКОВ, В. И. СЛОБОДЧИКОВ: ДИАЛОГ О СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ЦЕЛОСТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

СОРОКОЛЕТОВА Ольга Владимировна,
соискатель кафедры общей и социальной педагогики,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Автор статьи пытается рассмотреть основополагающие понятия, такие как сущность человека, развитие личности, ее целостность в контексте современной науки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: развитие личности, целостность, сущность человека, самость, самореализация.

A. S. KHOMYAKOV AND V. I. SLOBODCHIKOV: A DIALOGUE ON HUMAN NATURE AND PERSONALITY INTEGRITY

SOROKOLETOVA O. V.,
Postgraduate Student of the Department of General Pedagogy,
Voronezh State Pedagogical University

ABSTRACT: The author of the article attempts to consider fundamental concepts such as human self, personality development, its integrity in the context of contemporary science.

KEY WORDS: personality development, integrity, human self, selfishness, self-realization.

Всю историю человеческого рода перед человечеством стоял вопрос о том, как воспитать свое потомство? Какие цели преследовать, какие задачи решать, к каким смыслам стремиться, а также каким будет результат? Наше время, выдвинувшее лозунг «воспитания личности всесторонне развитой», гармоничной и цельной, не исключение. Можно даже справедливо сказать, что дело воспитания в наше время стало особо в связи с тем, что современный человек под воздействием различных философских учений, смысл которых он порой не понимает, но которые усиленно насаждаются всеми средствами пропаганды, потерял свои коренные традиционные морально-нравственные ориентиры.

Как хорошо пишет об этом гениальный человек своего времени, основатель движения славянофильства, богослов и философ, отец девяти детей – А. С. Хомяков, который приводит пример о том, что «зрячий дворник» может лучше знать, что такое цвет», чем «слепорожденный» ученый, который отвлеченно знает «его законы» [1, т. 1, с. 259]. И тут же объясняет, что «это непосредственное, живое и безусловное знание», есть «вера» – «так сказать, зрячесть разума» [1, т. 1, с. 280].

Получается парадокс: мы не знаем, кого и как надо воспитывать? Что это за «всесторонне развитая личность», и каким образом эта всесторонность будет сочетаться с цельностью? Что понимать под понятием «целостности личности», только ли целостность педагогического процесса, направленного на воспитание личности любой с ее «личной» цельностью, или все же существует «цельность» – «целостность» объективная? Если «да», то где же ее критерии? Вот вопросы, без ответа на которые мы не сможем приступить к делу воспитания, потому что не будем знать, куда нам идти и с чего начать.

Проанализировав основные современные философско-педагогические теории воспитания личности, приведем слова А. С. Хомякова, сказанные им

в середине XIX века, но так кстати подходящие и нашему времени о «нашем просвещении», которое «мечтало о воспитании других», в то время как «само оно лишенное всякого внутреннего убеждения», постоянно меняет «свое собственное воспитание». В связи с чем «едва ли не всякое десятилетие» должно быть благодарным «Богу» за то, что «десятилетие прошедшему не удалось никого воспитать». Между тем «эта шаткость и это бессилие убеждений» сопряжено с «величайшей самоуверенностью», готовой взять на себя «изготовление умственной пищи для народа» [1, т. 1, с. 60].

М. М. Бахтин в XX веке высказывает мысль о том, что история знает лишь один способ научения знающим незнающего – педагогический диалог. Размышляя об образовании, мы непременно сталкиваемся с «диалогом» как таковым. Это и «диалогизм культуры», и «диалогизм философии» – «сущность педагогики – это диалог». «Педагогика создает режим диалога в интересах образования», – пишет в своей статье доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук педагогического образования, Академии информатизации образования Е. П. Белозерцев [2].

Концепция Бахтина предполагает несколько вариантов диалога – это диалог «читателя и текста», диалог «между текстами», «диалог с самим собой» и т.д. Ибо «непосредственная действительность (действительность мыслей и переживаний)», из которой и исходит гуманитарное мышление – это «текст – письменный и устный». Посредством текста осуществляется личностное взаимодействие, происходит, так сказать, «встреча двух субъектов». Эта встреча всегда осуществляется «в некоем контексте»: культуры, автора, личности, что требует метода – «понимания». Основой «социального взаимодействия» является диалог личностей, которые стремятся обрести уровень понимания, в нашей культуре приближающийся к «соборности» [2].

Диалогичность педагогики В. В. Зеньковский выразил так: «Человек к человеку неравнодушен» [3]. Еще Сократ, мастерски владевший методом диалогового познания, проводит мысль «о недоста-

точности одного сознания для достижения истины...». Между тем философское сознание всегда стремится к познанию Истины. Ибо педагогика не мыслима без философского либо религиозного оправдания. Предлагая педагогике религиозное православное обоснование, мы в статье попытаемся «докопаться до Истины», в качестве своего инструмента используя «диалог между текстами», а наше причастие к этому диалогу будет носить начало соборного разума, которому Истина более доступна.

По словам Е. П. Белозерцева, «сущность образования» проявляется для нас через «диалог наследственного, социального и духовного», а также через традицию народного воспитания и – «православного образования» [2]. Поэтому необходимым считаем обращение к наследию А. С. Хомякова для выяснения подлинного смысла педагогического понятия «цельности личности». Смысл его ясно открывается уже в самом способе познания, предложенном А. С. Хомяковым: как познания всецелым разумом в согласии с разумом Всесущим. Да и сам пример его самого как «личности целостной» имеет под собой глубокое основание и несет более смысла, чем какие-либо другие беспочвенные рассуждения.

Педагогика тесно связана и с психологией, настолько тесно, что, кажется, разорвать их нельзя, как впрочем, и с философией и с религией, ибо это те поводыри, которые указывают ей путь, и плохо дело, если послушаешь слепого поводыря, по слову «если слепой поведет слепого, то оба упадут в яму» [4]. В этом контексте приведем интервью Слободчикова Виктора Ивановича, доктора психологических наук, директора Института педагогических инноваций в Москве, который, рассуждая о парадигмах развития современной психологии и образования, сказал: «Начиная с эпохи Возрождения, стала выстраиваться одна линия, которую... можно назвать безрелигиозным гуманизмом с его таинственными общечеловеческими ценностями, как высшими формами человеческого духа, в конечном итоге приводящими к самобожеству, вплоть до самоистуканства. Но есть и другая линия – восточный мистицизм: духи, силы и т.д., что с христианской точки зрения – чистое новоязычество» [5].

Далее В. И. Слободчиков говорит о нескольких различных парадигмах психологии и образования. Первая из них – натурализм (человек-природа), в которой речь идет о процессах развития: зарождения, созревании, росте, взрослении. В ней детерминация происходит по принципу причинно-следственных отношений. Противоположная ей парадигма – социоморфизм (человек-общество). Новейшей парадигмой является теологизм, т.е. богословство (человек-божество). Со стороны человека это духовное существо, со стороны божества можно поставить знак вопроса, ибо мы попадаем в систему множественных богословий и множественных интерпретаций высшей реальности. Для христианина: человек – это христианин и Христос. Здесь человек непременно проходит этапы обожествления и спасения. Детерминация по принципу смысла. Затем идет парадигмальная установка – культурализм (человек-мир). Это та инстанция, где обитает человеческий дух, отображая себя в образцах «высших форм деятельности в продуктах мысли, новых отношениях, к которым отнесем мораль, право и т.д. Процессы: присвоение-оформление. Ценностная детерминация [5].

Отвечая на вопрос журналиста: «Что изменилось сегодня, что такое происходит, что побуждает нас

менять парадигму мышления?» он дает духовное объяснение ситуации, учитывающее метафизику «европейской христианской культуры и сознания». Ибо человек «самостен в этой культуре», сам себя родив, он и придумал себя сам, еще и сам себя познает и т. д. «Базовая категория самости является глубинной» [5]. В связи с этим приведем мысли А. С. Хомякова. Он считает, что ум человеческий «так долго блуждал по ложным путям», как «Киреевский уже объяснил, показав зависимость мышления философского от верования религиозного», а потому и «неизбежное влияние Латинства и Протестанства на все умственное развитие Западной Европы» [1, т. 1, с. 264].

В.И. Слободчиков приводит наглядный пример чтения: «Мы можем читать по-русски и по-немецки. Если мы будем читать по-немецки, то ключевое слово будет в конце предложения. Читая на русском языке, мы будем ставить ключевое слово где-то в начале». Например, сущность слова «самоопределение» по-немецки будет звучать как «определение собственной самости». В русском же языке: «я главный – я определяю». Эта двойственность в европейском сознании живет, существует, потому что только в христианской культуре существует категория личности [5].

Поэтому современные открытия в области психологии, о которых говорит В.И. Слободчиков, не столь удивительны; именно они в своем корне истекают из православного вероучения, из творений святых отцов, которых, кстати, называли «глубочайшими психологами мира». Дело в том, что мы забыли, что имеем такое богатейшее и глубочайшее наследие. Эти слова можно применить и к наследию славянофилов, в частности А. С. Хомякова, который, по свидетельству современников, «жил в Церкви».

В.И. Слободчиков обращает наше внимание на то, что «человек лично выходит на встречу и с Богом, и с миром, получается, он все делает лично, сам». Хотя, говоря по-немецки, «его самость была не его самостью, – она задавалась». Оказывается «это не я думаю об объекте, а эта структура думает мною». Поэтому, говоря в этом смысле: «не ребенок овладевает речью, а речь овладевает ребенком» [5].

По Слободчикову, именно «сегодня происходит» настоящее «открытие для человека христианской культуры – что он действительно субъект». «Его же самость, воплощенная в некую культурную форму, оказывается, владеет и «его живой субъектностью, и его живой душевностью»... «И вроде бы человек сам, а ничего своего-то и нет: мысли не его, речь не его, знания дали в школе, представления навязанные...» «своего-то ничего – дырка от бублика». На этой почве происходит психологический кризис, «кризис знания», «ибо не я знаю, а мной что-то знается». Получается, есть человек, но своего ничего у него нет. Об этом говорит немецкое прочтение. Здесь В.И. Слободчиков ставит закономерный вопрос: «Так что же делать?». И сам же на него отвечает: необходимо из этого «выйти и оглядеться по сторонам». А все современные психологические практики – это практики шаманские, не объяснимые с помощью разума. «Либо нужен другой тип рациональности, другой тип знания. А так, это самообман...» [5].

А.С. Хомяков, задолго до настоящего времени определивший основную ошибку Запада, заключающуюся в самоосуждении «силою своего развившегося рационализма», и предлагающий «выбор

между двумя равно тягостными существованиями», приводящий к безнадежному исканию «истины по путям, уже признанным за ложные, или отречение от всего своего прошедшего» ради возврата «к истине» [1, т. 1, с. 258].

Далее Виктор Иванович Слободчиков поясняет суть своего утверждения: и «субъект устроен так, что он способен познавать» и «объект устроен так, что он познаваем», но эта «принципиальная познаваемость мира» возможна лишь при «установленной гармонии» между субъектом и объектом. Можно ли считать это «базовым утверждением» для «бытия» человеческого? Виктор Иванович отвечает: «Нет». Потому что «человек – искусственное и проблематичное существо».

В каждый миг своего существования он решает основополагающую проблему: быть ему или не быть? Поэтому никакой гармонии нет и быть не может. Причем коренной вопрос своего существования человек решает «практически». В связи с этим мы можем определить категорию практики как «фундаментальную». В нашей человеческой реальности «человек "практикует" себя, он себя не обнаруживает и не реализует, а именно "практикует"». Получается дилемма: человек как бы есть, а на самом деле он занимается своим «строительством», «он "строит" себя и в процессе обнаруживает себя и понимает себя». Ибо и «говорит о себе» и даже «понимает себя он своим же собственным действием» [5].

Вспомним Хомякова: «Человек есть творение слабое и шаткое», а также «ленивое умом и дряхлое волей», есть «постоянное игрище страстей своих и чужих», являющийся жертвой всяких соблазнов жизненных и «нагнета исторического», а потому он «не может почти никогда удерживать в себе душевного согласия» и значит «не должен быть уверенным», что он «удержит его» [1, т. 1, с. 254].

Продолжая цитировать В.И. Слободчикова, попытаемся определить, в чем же заключается сущность человека. Виктор Иванович ставит вопрос: «А что я могу помыслить предельное о сущности человека, что действительно категорическим образом отличает его от всего остального?». И сам на него отвечает: «Это способность человека превратить свою собственную жизнь», всю полноту своего бытия «в предмет фактического преобразования». Ни одно из живых существ этого сделать не может. Это есть «показ становления и развития» того, что есть и существует действительно. В таком понимании существование и есть «построение развития» [5].

В. И. Слободчиков предостерегает: «Говорить, что человек есть, нельзя». Ибо сказав, что он есть, мы положили предел его развитию, его личностному становлению, человек сразу же оказывается кем угодно: «фрагментом природы, фрагментом культуры»... «Человек всегда там, где его нет», в некоей возможности, в некоей потенции – он всегда находится на грани своего бытия и небытия, между тем «небытия в самом рискованном смысле...» [5].

Вот как о том же в середине XIX века, в своем философском письме Ю. Ф. Самарину, пишет А. С. Хомяков: «...человек ни в какое мгновение своего существования не является как сущий, но только как стремящийся быть». Его «стремление и составляет внутреннюю жизнь человека»; а «внутренней смертью» является остановка этого стремления» [1, т. 1, с. 271]. Таким образом, по Слободчикову, «действительность – это тот фрагмент бытия,

который деятельностно проработан», это то, «что человек деятельностно проработал», что у него «превратилось в действительность». Поэтому всякий «уход» в этом вопросе в «рационализацию» есть «избегание бытия в его недействительности» [5]. Интересно, что подобные мысли о роли рационального, рассудочного познания мы находим у А. С. Хомякова и у И. В. Киреевского: «Для отвлеченного мышления существенное ...недоступно», потому что «только существенность может прикасаться к существенному» [6, т. 1, с. 274].

В.И. Слободчиков, объясняя, каким образом в человеке сочетается развитие и самопознание, утверждает: «И для себя человек открывается через собственный способ бытования». «Развитие» — в этом смысле есть «некое вхождение в некий способ бытования» и «освоение его», ... «либо отказ от всяких способов и построение принципиально своего». «Предельной же формой развития является саморазвитие в русском варианте». «Становление самости», или же «самостояние, отказ от самости, от логики субъектности, личностности». Причем с «формой» в своем идеале должно произойти «преобразование, преобразование», а не ее «смена»... – «куколка и бабочка – это кардинальные структурные преобразования, это скачок» [5].

Обращая наше внимание на глубокую важность сознательного отношения к построению своей собственной жизни, В. И. Слободчиков определяет реальную возможность преобразования при условии способности человека стать субъектом своей собственной жизни. А вот мысль, которую мы находим по этому поводу у А.С. Хомякова: «...человек ни в какое мгновение своего существования не является как сущий, но только как стремящийся быть». Следовательно, «это стремление и составляет внутреннюю жизнь человека»; остановка в этом стремлении «есть внутренняя смерть» [1, т. 1, с. 271].

В. И. Слободчикову был задан вопрос о месте свободы воли в его системе, на который он ответил следующее: «Натурально присущего свойства "свобода воли" нет». «Волевое действие» всегда «строится» и является проблематичным. Все «человеческое в человеке – проблематично». Удалось ему «выстоять – он человек». Даже если результат будет отрицательным, дело не в результате, а в «акте самого действия» [5].

По учению Хомякова, воля в человеке принадлежит «области допредметной», поэтому сама она непознаваема. Хотя именно она и отделяет в сознании то, что «от меня», от того, что «не от меня», тем самым отделяя «субъективный мир» от «объективного» [1, с. 276-278].

Профессор В. Зеньковский в своем труде «История русской философии» пишет: «В антропологии Хомякова с особой силой выдвигается учение о целостности в человеке», оно является «ядром» его антропологии, из него он делает различные «построения» «в гносеологии» и «в философии истории». Он же продолжает: «Эта иерархическая структура неустойчива». Ибо душевные силы борются между собой за свое главенство. Также, по мнению В.В. Зеньковского, особое значение Хомяков «придает уходу от свободы», где человек, добровольно спускаясь в мир, где царит «необходимость», становится ее «рабом» [3, с. 190].

Так, в каждой конкретной личности борются два противоположных начала, и главенство одного или другого будет определять один или другой тип. «Свобода и необходимость составляют то тайное

начало», около которого «сосредоточиваются все мысли человека». Тип личности, в котором преобладает искание свободы, Хомяков называет «иранским», а тот, в котором преобладает подчиненность необходимости, – «кушитским»; для Хомякова вся история человечества является порождением одного или другого типа [3, с. 190]. Но, несмотря на стремление человека к свободе, он не может обладать ею во всей ее полноте, находясь вне Церкви, ибо только в ней полностью раскрывается этот «дар».

«Целостность духа», а следовательно, и личности, по Хомякову, невозможна без «целостного» процесса познания. Этот процесс познания в свою очередь имеет следующие этапы познания: восприятие явления в вере, живознание, рассудочное логическое познание и познание разумом всецелым, где все этапы познания объединяются в одно целое. Все стадии познания необходимо должны быть в согласии с Всесущим Разумом – Разумом Церковным. Все основополагающие религиозно-педагогические идеи наследия А.С. Хомякова, такие как соборность, целостность, предполагающие святость в личном уме и жизни, семье, образовательной деятельности и общественных отношениях, у него преломляются через идею Церкви, понимаемую как «единство в свободе по закону любви».

В таком контексте обратимся к предельной категории «субъективной реальности» антропологической парадигмы в современной психологии, автором которой является В.И. Слободчиков. Субъективная реальность – психологическая категория, «определяемая как мир, реальность», но с точки зрения определенного субъекта. Это реальность, построенная им «внутри себя». Между тем «общность, деятельность и сознание» являются онтологическими основаниями бытия человека. В связи с этим само становление субъектности, будь то в сознании, или в общности, или в деятельности, формирует «главные линии развития человека как субъекта собственной жизни», а также как «субъекта развития и саморазвития в образовании».

Конструкт «ситуация развития» определяется как исходная ситуация, пространство, источник развития. Он определяет совокупность отношений и связей между со-участниками со-бытийной общности. Со-бытийная общность есть ситуация развития.

Таким образом, рассматривая религиозно-педагогические идеи, заключенные в наследии А.С. Хомякова через призму идей В. И. Слободчикова, можно представить Церковь как некую со-бытийную общность для всего человечества и для каждого конкретного человека. Эта со-бытийная общность в первую очередь служит духовно-нравственному становлению человека, начиная с детского возраста и на протяжении всей жизни. Другим примером со-бытийной общности является семья, по апостольскому определению являющаяся малой Церковью, в этой со-бытийной общности, происходит самая начальная стадия «становления человеческого в человеке», закладка базовых человеческих свойств и качеств. Малая со-бытийная общность для верующего человека подкрепляется единством с большой со-бытийной общностью – Православной Церковью. В таком случае путь обретения «целостности» личности будет движением духовно-нравственного самосовершенствования в достижении цели: согласия «соборности» всех сил души в их иерархической последовательности в неразрывном единстве с Всесущим Разумом.

Мы попытались ответить на вопросы, поставленные в начале статьи с точки зрения синтеза религиозно-педагогического наследия А.С. Хомякова с подкреплением мнения представителя научной школы современной психологической антропологии – В.И. Слободчикова. Закончим статью словами Виктора Ивановича, которые можно представить как некое кредо развития целостной личности. В них В. И. Слободчиков определяет человека субъектом, практикующим свою реальность, потому «что он напрактикует, – с тем ... и сталкивается». «Правда, потом он себя не узнает. Чтобы он себя узнавал, я и предлагаю такой ход. И если это редукция, то пусть это называется редукцией к ответственности» [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Хомяков, А. С. Полн. собр. соч.: в 8 тт. [Текст] / А.С. Хомяков. – Т.1. – М., 1900.
2. Белозерцев, Е.П. Теория и методика профессионального образования. Вуз: культурно-образовательная среда [Текст] / Е.П. Белозерцев // Наука – искусство – культура. – 2012. – №1. – С. 117-129.
3. Зеньковский, В.В. История русской философии [Текст] / В. В. Зеньковский. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.
4. Евангелие от Матфея 15:14.
5. Слободчиков, В. И. Парадигмы развития современной психологии и образования [Электронный ресурс] / В. И. Слободчиков. – Режим доступа: http://ruskline.ru/author/s/slobodchikov_viktor_ivanovich/
6. Киреевский, И. В. Полн. собр. соч.: в 2 тт. [Текст] / И. В. Киреевский. – Т. 1. – М., 1911.